

Эпоха вѣры.

В. В. Гиппіусу.

Но мы забыли, Господи, забыли —
Слагать Тебѣ нашъ огненный псалтырь. . .

Трава въ степи бурлива и смутна

Трава въ степи, — какъ рожь, — заколосится!..

Вл. Нелединскій.

Есть страшныя времена, ужасныя эпохи, какъ апокалипсическія видѣнія, времена великихъ сбываній Тайны, страшныя и благословенныя, когда, въ какомъ-то общемъ, таинственномъ порывѣ — цѣлыя поколѣнія тянутся, возносятся къ великимъ тайнамъ неба, или когда небеса, таинственною сущностью своею нависаютъ, снижаются, подобно огромнымъ крыльямъ, надъ землею. Человѣческое и Божеское внезапно сближается, становясь другъ передъ другомъ въ новомъ откровеніи, въ новомъ постиганіи. Богъ — въ насъ, мы — въ Богѣ, но только въ мгновенія величайшихъ напряженій духа, мы реально постигаемъ это. Дѣло не въ терминологіи, но если опредѣлять какимъ нибудь названіемъ такія эпохи вдохновенія, то иного термина, какъ Романтизмъ, — не найти, сводя въ это слово не всевозможныя виды творческаго проявленія Романтическаго вѣка, а имѣя въ виду самую сущность переживаній и вдохновеній, которыя господствовали въ „эпохи вѣры“. Романтизмъ — Боготомленіе. Даже не Боготомленіе, потому что о Богѣ всегда томимся, даже когда въ безумномъ кощунствѣ Его отрицаемъ, и изгоняемъ, — а Богоявленіе, и Богопостиганіе, — одновременно. Хаосъ и озареніе. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ являлся, глаголалъ въ пророкахъ, и только послѣ своего глагола въ Сынѣ, послѣ раскрытія великой Тайны сліянія Бога и чело- вѣка въ безконечной дѣйственности абсолютной личности, когда впервые и разъ навсегда Воля Богоявленія и Воля Богопостиганія соединились въ Христѣ, — Волеблагодати — Любви, въ

равныхъ силахъ противопоставленія, — данъ былъ человѣку, по Благодати, въ сошествіи огненныхъ языковъ, даръ Богопостиганія въ Духъ Святомъ. Ветхій Заветъ пророчествовалъ въ Богоявленіи, не постигая, лишь изрѣкая Волю, или же въ жгучихъ томленіяхъ предрѣкалъ грядущую радость прозрѣнія во Христѣ. Одинъ символъ ветхозавѣтнаго пророчества — Синай, знаменіе воли Отца. Ветхій заветъ — законъ самораскрытія Отца: „Азъ есмь Господь Богъ твой“. Другой — неистовая псалмодія Давида, то слѣпая, почти что безсловесная, больше перезванивающая въ неистовыхъ, хвалебныхъ тимпанахъ, то жгуче оплакивающая свое безсиліе и грѣховное ничтожество. Ветхій Заветъ содрогался о Богѣ, оплакивалъ себя, но не постигалъ. Христось, въ дѣйственномъ воплощеніи и Страстяхъ, установилъ безграничную возможность человѣческаго волевого подвига, искуса и лишь сошествіемъ Св. Духа, огнемъ, который Онъ низвелъ на землю, этотъ подвигъ утвердился какъ религія, на neodолѣваемомъ камнѣ Христовой Церкви. Лишь послѣ воплощенія, въ сошествіи Св. Духа раскрыта была, въ установленіи Церкви, тайна постиганія Бога, не какъ Воли, а какъ Благодати Божьей, въ неистощимыхъ дарахъ Св. Духа, самоистекающихъ, источаемыхъ помимо Слова-Воли, почивающихъ на главахъ великихъ избранниковъ лона церковнаго.

Мы всѣ глухіе, слѣпые и безумные, презрѣвшіе все, врасплохъ застигнутые великимъ ужасомъ Силъ Богоявленія, лежащіе въ страхѣ среди кровей, гибели и дыма — обезпамятѣли, забыли дивный даръ Богопостиганія, данный намъ по благодати. Мы смотримъ — и не видимъ, слушаемъ — и не слышимъ, или просто закрыли глаза и заткнули уши, а между тѣмъ творится великое чудо Богоявленія и намъ дано въ сверканіяхъ великаго озаренія постигать его.

Однако, преодолевая общую слѣпоту и глухоту, властно раскрывается вся исключительность, избранность эпохи нашихъ дней. Послѣ долгихъ скитаній и отрицаній, человѣчество, въ поколѣніяхъ современности, вошло въ новую полосу романтизма и, слѣдовательно, въ полосу религіозности. Этого отрицать нельзя, ибо сами событія свидѣтельствуютъ. Не культура, какъ совокупность привычекъ и человѣческой способности къ абстракціи, подчиненной всегда очередной логической дисциплинѣ, опредѣляетъ теченіе событій и фактовъ въ стройныя системы міровоззрѣнія; сами событія, въ ихъ непрестанномъ сбываніи, заставляютъ, волею собственнаго свершенія, воспринимать ихъ, вживаться въ нихъ подѣ

знакомъ различныхъ психологическихъ и логическихъ аспектовъ, составляя этимъ таинственное чередованіе эпохъ. Наша эпоха — эпоха великихъ религіозныхъ откровеній, и какъ всякая эпоха вдохновенія и раскрытія — протекаетъ въ учащенной смѣнѣ событій. Это ея особенность. Всякое событіе, какъ опредѣленный узелъ свершенія, становится самодовлѣющимъ. Первосущная преемственность событій, развертываніе, выявленіе ихъ во времени и пространствѣ, логическое вытеканіе другъ изъ друга, къ которымъ всѣ издавна приучены историческимъ матеріализмомъ, окончательно нарушены. Напрасно традиціи логики еще пытаются удерживать все теченіе событій въ своемъ стройномъ руслѣ, — непосредственное ощущеніе этимъ чувствомъ законности больше не сковано. Жизнь воспринимается въ моментъ времени, въ коллизіи силъ, какъ непрестанная волевая отсѣчки, какъ завязки и развязки неисчислимаго ряда трагическихъ построеній. Каждое явленіе воспринимается въ своемъ существѣ, какъ таковое, безъ сознанія причинности въ прошломъ, безъ логическаго вывода послѣдствій въ будущемъ. Прошлое становится удѣломъ памяти; будущее — только прозрѣнія и пророчества. Съ обѣихъ сторонъ каждаго событія — бездна. Каждое событіе это волевой актъ въ моментъ. Такая концепція воспріятія жизни, въ планѣ Волеявленія и Волеподчиненія, есть концепція трагическаго, религіознаго міровоззрѣнія, ибо внутренняя сущность трагическаго состроенія и заключается въ предопредѣленномъ сбываніи всѣхъ преуказанныхъ путей человѣческихъ, водимыхъ свыше. И пути эти, либо обрываются здѣсь на землѣ, въ трагическихъ, непостигаемыхъ катастрофахъ, либо таинственно и незримо возносятся въ небо, въ продолженіи нездѣшняго міра. Эти событія — скрещенія путей, не могутъ быть выводимы другъ изъ друга. Ихъ можно молитвенно заклинать или въ озареніи предвидѣть. Трагическое воспріятіе отождествляется съ пріятіемъ религіознымъ, ибо трагедія есть дѣйственно-волевая проэція религіознаго принципа. Всякая трагическая концепція выявляется какъ самодовлѣющее данное, завязка котораго всегда тайна, — намъ лишь дана возможность анализа, возможность разложенія силъ, состроющихъ данную коллизію, подчиняющихся, слѣдовательно не закону логическихъ построеній причинности и вывода, а законамъ міровой психомеханики. Подобное чувство жизни утверждается способностью внѣдренія, проникновенія въ сущность всего видимаго, слышимаго, осязаемаго, совершающагося и переживаемаго, которую она безгра.

нично открываетъ. Существо міра познается до послѣднихъ крайностей сліянія, до сокровеннѣйшаго пронизыванія, до вкушенія, до прозорливости, ибо прозорливость только тамъ, гдѣ отъ событія къ событію — простерта бездна.

Неисчислимыя нити причинности и преемственности, раскинутыя повсюду самонадѣяннымъ человѣческимъ рационализмомъ, долженствовавшимъ побѣдить Тайну, и установить всѣ законы сбыванія, внезапно ослабли и оборвались. Человѣчество, ослабѣвшее, одряблѣвшее въ долгомъ самогипнозѣ призрачнаго всемогущества мысли, въ безумной гордынѣ, утеряло свой „даръ божественныхъ видѣній“, великій даръ пророчества и прозорливости — даръ Богостиганія, даръ свободы, т. к. въ Богостиганіи вѣчно разрѣшается проблема свободной воли. Это-ли не оскудѣніе? . . .

Если судить съ точки зрѣнія чистоты вида воспріятія — религиозное воспріятіе жизни есть наиболѣе чистый видъ жизнеощущенія, т. к. оно основано на Волеявленіи и Волеподчиненіи, а жизнь есть непрестанное Самовыявленіе Ипостаси Перваго Дня. Утверждая событіе, трагедію, — пагосомъ жизни, религиозное пріятіе жизни должно соотвѣтственно утверждать и объектъ сбыванія. Если воля опредѣляется въ самодовлѣющемъ моментѣ, то должна быть, естественно, самодовлѣющая духовно-матеріальная единица ее реализующая въ качествѣ дѣйствующаго лица, и таковымъ, въ концепціи религиознаго пріятія міра, является человѣческая личность. Личность каждаго въ себѣ, разыгрываетъ свою трагедію всякаго даннаго момента времени, причемъ интенсивность волевого откровенія, равно какъ и качественность духовно-матеріальной единицы, конечно, во всякомъ данномъ случаѣ различны и могутъ находиться въ неисчислимыхъ сочетаніяхъ. Отсюда, въ противовѣсь причиннымъ построеніямъ научнаго матеріализма и коллективистической идеологіи социализма, утверждающіе, первый — полную преемственность любого жизненнаго вида и феномена и, вторая — регулирующая человѣческое массовое взаимодействіе, на основѣ все-уравнивающихъ законовъ борьбы и обмѣна, — религиозная культура утверждаетъ вдохновенное начало личности. Каждая личность, въ отношеніи другой, являетъ собою различныя озаренія, и слѣдовательно, имѣетъ различную качественность. Вслѣдствіи этого, всякая личность неминуемо должна находиться въ непрестанномъ противопоставленіи другимъ личностямъ, при чемъ, въ общемъ устремленіи къ одному и тому же, равнодѣйствующая всей совокупности человѣческихъ лично-

стей слагается по аналогії съ равнодѣйствующей силѣ всѣхъ единицъ матеріала въ построеніи свода, гдѣ каждая единица въ процессѣ преодоленія близъ лежащихъ, въ зависимости отъ потенціи силъ заложенной въ нее, созидаетъ возносящееся цѣлое, на основѣ незыблемаго самоутвержденія. Такое механическое преодоленіе единицъ, конечно, совершенно иного порядка нежели эмоціональное преодоленіе въ законѣ борьбы за существованіе. Если совершающіяся событія являются единственнымъ критеріемъ жизнепрїятія — естественно, не можетъ существовать никакого иного метода учитыванія и постиганія явленій и событій, кромѣ метода качественного ихъ отбора и установленія, ибо методъ качественного учета наиболѣе короткій во времени, и содержитъ въ себѣ максимальную возможность исчерпывать до конца все, подвергающееся его приложенію. Вѣдь понятія добродѣтели и грѣха, добра и зла — суть различныя качества дѣйствія и воли, предполагая, конечно, добрую и злую волю—живыми, реальными существами. Когда событія устанавливаются внѣ системы причинности и слѣдствія, то природа каждаго явленія, его качество, сами устанавливаются легко и реально. Добро и зло дѣлаются существами реальными, вдохновляющими всякое дѣйствіе, всякую волю, отображающимся въ каждомъ событіи. Что же касается интенсивности воспрїятія всякаго событія, то оно, при фиксаціи явленія лишь въ данныхъ короткихъ отрѣзкахъ времени или моментахъ, опредѣляется напряженностью волевого начала, заложеннаго въ моментъ осуществленія. Чѣмъ интенсивнѣе воля событія — тѣмъ время преодолевается въ большихъ степеняхъ, до полного исчезновенія, до полного пронизыванія волевой сущностью, какъ въ музыкѣ. Религіозное познаніе жизни есть прїятіе музыкальное, т. к. только музыка, подобно нашему психическому току, способна до конца замѣнять собою время. Познаніе слухомъ—самое пристальное изъ всѣхъ человѣческихъ возможностей познанія, самое религіозное, т. к. оно одновременно наиболѣе интуитивно — абстрактное и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе дѣйственно-реальное, ибо преодолеваетъ время въ звучаніи, сочетая великую тайну вдохновенія съ тайной математической законности. Только музыка, подобно психическимъ переживаніямъ величайшаго напряженія, способна раздвинуть любой моментъ времени, способна остановить время, подчинивъ его теченіе какому нибудь одному психическому состоянію.

Такимъ образомъ, концепція религіознаго міровоззрѣнія допускаетъ, какъ наиболѣе чистые, совершенные виды познанія

міра — трагедію и музику. Не даромъ въ античности и то и другое было такъ тѣсно связано между собой; не даромъ стихи Библіи — отъ начала до конца пророческія пѣсни; не даромъ греческія философы выражались стихами. Музыка, въ данномъ случаѣ, принимается во всей широтѣ понятія — какъ звучаніе, пѣсенность, музыкальное мышленіе, т. е. мышленіе интуитивно—реальное. Только въ ритмѣ, въ біеніи, въ трепетѣ, улавливается, утверждается безконечная смѣна Волеявленія, только въ нихъ мы заражаемся и дрожимъ тѣмъ содроганіемъ, въ которомъ не-престанно находится Вселенная. Развѣ ритмъ, конечно существующій и въ искусствахъ пространственныхъ, пластическихъ, не есть, въ сущности, зафиксированныя въ моментѣ времени, въ творческомъ прозрѣніи неумолкаемая „волны вещества“, невидимая для нашихъ слѣпыхъ глазъ трепетность матеріи? Поэтому въ литературѣ наше время — есть время пѣсеннаго, музыкальнаго начала и начала трагического, когда музыка слова завораживаетъ, останавливаетъ время, либо когда трагическія коллизіи фиксируютъ въ моментѣ времени предопредѣленныя встрѣчи неисповѣдимыхъ путей жизни, выявляютъ схватки сверхчеловѣческой воли. Иныхъ формъ литературы, современный тонусъ жизни и психическая настроенность не выносятъ. Теперь, въ эпоху романическаго вдохновенія, кажется уродливой, ненужной и безконечно длинной — беллетристика, пустословныя повѣствованія и романы, съ „психологическимъ анализомъ“. Утверждая въ трагическомъ пріятіи жизни наиболѣе чистый видъ міропостиганія, романтическая культура, въ своей проэкции на искусство, послѣдовательно утверждаетъ чистоту вида творчества, какъ основной критерій качества. Все, что дѣйствуетъ за предѣломъ сущности даннаго волевого содержанія, въ проэкции искусства, является продуктомъ не чистаго вида творчества. Всякій продуктъ творчества смѣшаннаго типа безконечно теряетъ въ своей первосущной значительности и силѣ. Поэтому, требуя отъ выявленій искусства наивысшаго напряженія, наивысшаго вдохновенія въ постиженіи міра — современная идеологія искусства требуетъ самоопредѣленія каждой его отрасли, cadaго вида искусства до полнѣйшей исключительности, въ примѣненіи доступныхъ ему средствъ воплощенія. Идея синтеза въ искусствѣ, конечно находится въ полномъ противорѣчій съ подобнымъ утвержденіемъ.

Не будучи соединены въ одно совмѣстное синтетическое дѣйствіе, въ виду строгой разграниченности средствъ враженія

— всё отрасли искусства современной эстетической идеологии могут находить себя равнодѣйствующую въ основныхъ законахъ психомеханики, въ законахъ равновѣсія, тяготѣнія, симметріи и золотого сѣченія, которымъ они въ одинаковой степени подчинены. Въ этомъ планѣ мышленія вращаются въ настоящее время всё теоретическія попытки футуризма (подъ терминомъ „футуризмъ“ подразумѣваются всё ищущія теченія искусства современности, богатая новыми техническими ресурсами, сильная своей пытливостью, но скудная вдохновеннымъ озареніемъ).

Въ силу такой идеологии, музыка только преодолеваетъ время, фиксируя его собой въ своемъ теченіи, подобно теченію психическому, раскрываясь, либо въ процессѣ простого выявленія (въ формѣ прелюдіи), либо въ процессѣ противопоставленія (въ формѣ сонаты), либо, наконецъ, въ процессѣ исчерпанія (въ формѣ фуги). Изъ всѣхъ трехъ процессовъ, процессъ исчерпанія — процессъ фуги, наиболѣе, такъ сказать, музыкальный, ибо онъ протекаетъ въ поступательномъ движеніи. Отсюда слѣдуетъ, что вообще всякое полифоническое (горизонтальное) музыкальное сложеніе, съ точки зрѣнія чистоты процессѣ преодоленія времени, чище и потому интенсивнѣе, нежели сложеніе вертикальное, гармоническое, опредѣляющее по большей части музыку статическую, чаще всего рефлекторно-иллюстративную; поэтому психическая интенсивность фуги несравнима съ интенсивностью любой программной музыки. Все церковное пѣніе эпохи расцвѣта было построено именно на принципѣ полифоническомъ. Знаменный распѣвъ являетъ собой одинъ изъ удивительнѣйшихъ образцовъ горизонтальнаго сложенія, совершеннаго въ своихъ аскетическихъ ресурсахъ одноголосія, гдѣ подвижность голоса доведена до высшей степени психологической гибкости. Современная музыка, находится на порогахъ новаго расцвѣта интонаціоннаго начала, діатоническаго, ладоваго сложенія накануне новаго утвержденія пѣсенной стихіи, музыкальнаго дыханія, какъ основнаго начала музыкальнаго творчества.

Творчество слова чистаго вида (поэзія), преодолевая время, раскрывается въ двойственномъ значеніи: въ моментныхъ фокусахъ смысла, фиксирующихъ логическіе акценты, и въ теченіи звуковой преемственности, составляющей звуковую, фонетическую основу стиха. Различныя степени совершенства ихъ контрапункта и даютъ то или иное качество поэзіи. Поскольку музыка осуществляетъ собою начало предикатное (субъектъ подразумѣвается непрестанно въ авторѣ, вынесеннымъ за предѣлы композиціи) по

столько поэзія, выявляясь на половину въ логическомъ строѣ словъ-понятій, осуществляетъ начало субъектное. Поэтому звуко-смысловая сила поэтического произведенія всегда находится въ зависимости отъ степени субъектности стихотворной фактуры, т. к. логическая сторона стихотворенія выявляется въ прерывистыхъ, моментныхъ логическихъ фокусахъ, а понятіе субъекта всегда моментнѣе, нежели понятіе предиката, таящее въ себѣ непременно нѣкоторую временную протяженность. (Самое длинное по количеству слоговъ слово-субъектъ всегда воспринимается въ болѣе короткій промежутокъ времени, нежели самое краткое слово-предикатъ).

Кажущаяся на первый взглядъ тяжелой и непонятной нагроможденность словъ въ современной футуристической поэзіи (особенно у Маяковского) стремящейся къ наибольшей интенсивности въ каждый моментъ звучанія — объясняется превалированіемъ субъектнаго начала надъ началомъ предикатнымъ, которымъ такъ злоупотребляла эпоха символистовъ. И въ этомъ залогъ всей правды футуристической поэзіи, т. к. только при сведеніи логическаго начала въ стихахъ до положительной моментности, можно достигнуть наивѣрнѣйшаго контрапункта съ началомъ музыкальнаго теченія. Въ разсказѣ, прозаическомъ изложеніи — слово перестаетъ быть звуко-смысломъ и становится простымъ понятіемъ, поэтому проза, романъ, бытописаніе, вообще риторика — являются упадочной формой литературы. Романтизмъ всегда пѣлъ и будетъ пѣть въ стихахъ; вдохновенныя эпохи всегда воплощались и будутъ воплощаться въ удивительной формѣ трагедіи — въ искусствѣ запечатлѣвать таинственныя безконечно-разныя сочетанія души и воли людей, непонятныя скрещенія путей чловѣческихъ, опредѣляемыхъ нездѣшной волей.

Наряду съ пѣсеннымъ и трагическимъ началомъ, искусство современной эпохи мощно выдвигаетъ еще два направленія художественнаго развитія: живопись и зодчество, опять таки въ наиболѣе чистомъ видѣ ихъ выявленія. Современная живопись — на пути къ безграничнымъ возможностямъ грандіозныхъ фресковыхъ и мозаичныхъ концепцій. Зодчество стремится къ монументальности. Даръ сочетанія величайшей интенсивности вдохновенія и религіознаго фанатизма съ мудростью и законностью мастерства, свойственные Византіи и отчасти Западному средневѣковью, вновь какъбудто обрѣтаются. Пока что, правда, слишкомъ теоретически, иногда нелѣпо-нарочито, безъ подлиннаго вдохновенія . . .

Исходя из требованія максимальной экспрессіи и стремленія къ выявленію внутренней судности всего видимаго, живопись современной эпохи не могла не попасть на пути и основы фресковой живописи, мощной именно своей удивительной внутренней потенціей заполнения плоскости, преобразующей до конца матеріаль своею духовною сущностію. Въ искусствѣ византійскомъ, византійско-римскомъ, и въ русскомъ иконописмѣ — расцвѣтъ живописи протекалъ подъ знакомъ церковной сюжетности. И это понятно; именно въ иконѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ другомъ изображеніи, начало матеріальное, должно быть изнутри, безъ остатка, пронизано святостію духа. Современный футуризмъ пытается, пока что въ искусствѣ свѣтскомъ, въ искусствѣ пестроты и грубости повседневности, утвердить прежнюю непосредственность воспріятія. Скучный духомъ, онъ тѣмъ не менѣе достигъ значительныхъ вершинъ мастерства, утвердивъ исключительность основныхъ красокъ, поставивъ на ново проблемы плоскости, перспективы, временнаго начала въ живописи, ритма и, наконецъ, выработавъ технику заполнения любыхъ по величинѣ плоскостей и пространствъ. Пока современность только въ предчувствіи, но какъ только настанетъ подлинное духовное вдохновеніе — живопись будетъ готова, въ новомъ расцвѣтѣ, начать эпоху религіознаго творчества. Современныя техническія данныя и теоретическія стремленія сдѣлають ее вполне подготовленной къ этой новой полосѣ бытія.

Тоже и съ зодчествомъ. Расцвѣтъ архитектурнаго принципа предопредѣляется духовною потребностію утвержденія, закрѣпленія въ монументальныхъ, концепціяхъ вѣрованій и культурныхъ идеаловъ эпохи. Болѣе чѣмъ какой иной видъ искусства — архитектура отстаиваетъ человѣчество передъ временемъ, мѣстомъ и матеріаломъ, видимо и реально возноситъ его. Первой и конечной формой архитектуры и, такъ сказать, наиболѣе присущей ей, есть форма храма. Храмъ — кромѣ символа божественной славы, представляетъ собою также памятникъ религіозной формы данной эпохи. Есть эпохи, когда прикладное зодчество окончательно вытѣсняетъ зодчество романтическое. Въ такія эпохи утрачивается умѣніе строить храмы и воздвигать памятники. Храмы становятся большими сборными помѣщеніями, памятники — сочетаніями увеличенныхъ фигуръ. Монолитность, единство концепціи, законченность, составляющіе сущность утверждающаго начала архитектуры, отсутствуютъ, уступая мѣсто суетливымъ стилямъ.

либо построениям незамыкающим, неуравновѣшивающимъ въ себѣ пространство и матеріаль.

Современная архитектура, наряду съ желѣзо-бетоннымъ прикладничествомъ вновь возродила идею объ архитектурѣ романтической. Вновь явилась жажда утверждать и возносить, пока въ рабскихъ формахъ подражанія прежнимъ вдохновеннымъ образцамъ. Важно это первое стремленіе, потому что сама эпоха, рано или поздно, отобразитъ себя въ новыхъ формахъ храмовъ и памятниковъ, ибо теперь есть что замаливать, есть чему воздвигать памятники, есть, что нужно утверждать. Эти подготовленія къ грядущимъ возможностямъ весьма показательны.

Выравниваніе теченій и направленій искусства различныхъ странъ и народовъ въ общую, среднюю художественную идеологию данной эпохи (при сохраненіи, конечно, господства зарождающаго центра) — явленіе обще-историческое. Однако единовременное подчиненіе всей Европы идеологии „футуризма“ тѣмъ не менѣе знаменательно. Оно показываетъ, что футуризмъ есть теченіе, вызванное органическими запросами, таящимися въ самомъ естествѣ искусства, что оно есть теченіе, направляющее технику и теорію всѣхъ стремленій художественнаго творчества, застывшія долгое время въ однихъ и тѣхъ же достиженіяхъ, приѣмахъ и нормахъ — къ новымъ возможностямъ.

Однако, для созданія эпохи подлиннаго расцвѣта искусства этого мало; можетъ быть русское искусство призвано возмѣстить недостающее, осѣнить все заготовленное богатство техническихъ возможностей и теоретическихъ завоеваній — своей духовной сущностью безмѣрно обогатившейся опытомъ своихъ страстей и великаго искуса.

Дикое, первобытное чувство жизни всегда интенсивнѣе, ярче, а главное, реальнѣе, нежели ощущеніе жизни, прошедшее сквозь ослабляющую сферу рационализирующей культуры. Теперь, когда есть неутолимая жажда яркихъ чувствъ, совершенно естественно стремленіе понять жизнь, соединиться съ нею въ самыхъ сильныхъ, ярыхъ ея проявленіяхъ. Лермонтовъ это геніально выразилъ въ „Мцыри“, гдѣ человекъ соединяется съ природой, до конца ее вбираетъ въ себя, вкушаетъ-не въ идилліи и пасторали, а въ религиозномъ прозрѣніи („кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ“), въ неистовыхъ, стихійныхъ ея проявленіяхъ, когда человекъ можетъ ловить рукою молнію, ползать и прятаться змѣей, сплетаться въ хищномъ единоборствѣ съ барсомъ . . . Для Мцыри при-

рода была всею жизнью. Другого онъ ничего не видѣлъ. Вотъ такое же стремленіе къ первичному соединенію со всѣмъ міромъ чувствуется теперь во всѣхъ проявленіяхъ искусства. Этимъ стремленіемъ объясняется современный варварскій „скифскій“ эстетизмъ, возвращеніе къ примитиву, къ первично-ясному познанію. Кому дано слиться съ міромъ въ разливѣ его дикихъ силъ — тому легче достается раскрытіе сокровеннѣйшей, первоизданной его тайны — увидѣть міръ, какъ цвѣтуцій „Божій садъ“, „постигнуть тайну Божию въ вещахъ“.

Неудивительно, что всѣ крайнія теченія искусства немедленно стали на сторону крайней революціи. Большевизмъ, въ своей стихіи — явленіе глубоко народное, и современное искусство, близкое въ своихъ эстетическихъ вѣрованіяхъ крайней интенсивности, къ бессознательному народному эстетизму, конечно, не могло не почувствовать себя втянутымъ вмѣстѣ со всею человѣческой массой въ общій головокружительный вихрь.

Есть еще одна отрасль человѣческой духовной жизни, которая даже сильнѣе всѣхъ остальныхъ загорается въ эпохи озаренія и вдохновенія: это богословская мысль. И здѣсь расцвѣтъ опредѣляется чистотой вида мышленія, ибо богословско-догматическое мышленіе, для наибольшей интенсивности своего творчества, должно строго отграничиться, съ одной стороны отъ философской вольности, вседозволенности и отвлеченности и, съ другой стороны, отъ ложной канонической категоричности, имѣющей иногда корни въ ограниченномъ уставничествѣ и предразсудствѣ, иногда же въ бессознательно-эстетическомъ чувствѣ Церкви.

Творческое богословское мышленіе должно являть собою равнодѣйствующую неисчерпаемаго вдохновенія и строгой нерушимой данности догмата, ибо религія есть реальная, всеразрѣшающая форма человѣческаго озаренія и мышленія. Православное богословіе, долгое время недвижно покоившееся въ непреклонности и непонятности своего каноническаго ученія (ибо всѣ пути мистическаго постиганія и мышленія интеллигенціи шли мимо Церкви) и можетъ быть миновавшее благодаря этому лжедѣйственнаго вдохновенія власти и силы католичества, накопило въ своемъ существѣ неоцѣнимые дары откровенія и мудрости, передъ которыми всѣ достиженія „культурнаго сознанія“ въ смѣслѣ интуитивной философіи, — „европейскія культурныя издѣлія изъ азатскаго сыръя“ — являются, лишенными благодати раціональными схемами и безжизненными построеніями. Теперь же мучительно прео-

долгая опороченная ощущенія и касанія религии въ формахъ чувственнаго эстетизма, устанавливается истинное, цѣломудренное чувство Мистики и Церковности. Кромѣ того, все внутреннее догматическое и каноническое сложеніе и ученіе Церкви, и ея ритуала вновь ожили во всей ихъ первичной истинности и жизненной органичности, во всѣхъ мелочахъ исключительности и цѣлостности ея формы.

Всѣ эти различныя формы Богостиганія разворачиваются въ вихрь и смятеніи великихъ, стихійныхъ событій Богоявленія. Цѣлая поколѣнія, цѣлая эпохи ввергнуты въ грозную пучину, дрожать въ бурѣ, вѣтрѣ и смятеніи отъ взмаховъ грозныхъ крыльевъ хаоса. Но когда усиливается сила хаоса — усиливается и сила Духа Святаго, и это мы всѣ, испуганные и оробѣвшіе въ прошлыхъ путяхъ безбожнаго скитанія — должны понять. Человѣчество жило вяло, дрябло, безбожно, растлѣвая себя въ утонченности мистическихъ ощущеній и самонадѣянности рационализма, но съ того мгновенія, когда началась эпоха дѣйственныхъ трагическихъ событій, когда надъ землею и въ ея глубинахъ зашевелился хаосъ — всѣ люди внезапно раздѣлились на двое, на два стана: на обезумѣвшихъ, взметенныхъ ужаснымъ вихремъ, временно ослѣпшихъ и оглохшихъ, творящихъ не по своей волѣ, и на оробѣвшихъ, испугавшихся, затаившихся до потери способности разумнія. Ненавидятъ и проклинаятъ то, что надо понять и принять . . .

Начиная отъ перваго дня войны, человечество разыгрываетъ грандіозную трагедію, трагедію смерти, и ее должно разгадать, должно увидѣть истинный ликъ ея тайны въ мгновенныхъ сверканьяхъ озаренія. Черной пылью взметаются всѣ оборотни человѣческой дикой стихіи, коренящейся въ предвѣчномъ хаосѣ. Начавшись подъ знакомъ кроваваго знамени великой войны, въ которой были схвачены одной волей почти всѣ народы міра, трагедія эта продолжается теперь въ Русской революціи подъ знакомъ краснаго флага интернаціонала. Паеосъ начала и продолженія — въ одномъ и томъ же: въ ненависти, въ страхѣ и смерти. Революція, идеологически провозглашенная подъ обветшалыми лозунгами прошлаго столѣтія, на самомъ дѣлѣ протекаетъ въ событіяхъ новаго романтическаго порядка. Желая утвердить идеалы нивеллирующаго коммунизма — русская революція неминуемо приходитъ къ утвержденію личности. Дерзнувъ социализмъ провозгласить религіей, — она небывалой силой утвердила Христіанскую

Церковь. Начавъ борьбу во имя славы единого всемірнаго клича: „Хлѣба“ — матеріальныхъ благъ, свержающаго человѣка въ бездну животную — революція подняла, взяла самыя страшныя проблемы духа. И это понятно: ибо на одномъ алтарѣ происходитъ освященіе хлѣба и елея. Когда насытятся хлѣбомъ — возалкаютъ миропомазанія и — тогда поймутъ... Весь міръ, всколыхнувшійся страшной судорогой войны, нынѣ выбить изъ прошлаго состоянія самоувѣренности и рыхлаго покоя — насторожился въ тревогѣ и ждетъ. Хочетъ понять, но пока не понимаетъ. Чувствуетъ смертную тревогу, которая можетъ кончиться, либо катастрофой смерти, либо смѣниться новымъ трепетомъ жизни. И этотъ трепеть жизни уже забился въ Россіи; огненная горячка, повышающая весь человѣческій строй, когда базстрашно ставятся на пересмотръ и новую оцѣнку всё, незыблемые казалось, устои прошлаго, когда все лихорадочно начинаетъ вслушиваться въ содроганія земли и неба, — уже зардѣлась. Россія поняла то, что должна будетъ понять вся Европа, весь міръ, — подъ знакомъ русскаго романтизма, русской религіозной культуры. Поняла, что финаль ужасной войны, (учитывая всё „гуманныя“ достиженія новаго международнаго распорядка), не могъ быть такимъ ничтожнымъ, какъ его желала видѣть, и какъ его создала Европа. Не было бы русской революціи — былъ бы другой конецъ, соотвѣтствующій своимъ грандіознымъ — размахомъ — размаху небывалой на землѣ войны. Не могла такая трагедія, какъ трагедія пятилѣтней войны — не породить духовнаго итога, такого же страшнаго, катастрофическаго, какъ она сама. И этимъ итогомъ схватки народовъ всего міра — явилась Русская революція. Европѣ никогда не отдѣлаться итогомъ матеріальнымъ, итогомъ „мирныхъ договоровъ“ — настоящей, духовный итогъ войны въ Россіи, и теперь это ясно всѣмъ.

Процессъ революціи, такой же кровавый, безумный и нелѣпый, какъ процессъ войны, но итогъ — выводъ въ немъ поставленъ ближе и духовная цѣль ощутительнѣе. Можетъ быть даже Русской революціи, итогомъ ея, суждено искупить всё слѣпая, жестокая и самодовольныя дѣйствія и поступки, всё нераскаянные грѣхи Европейской войны. Европа послѣ войны чувствуетъ себя въ состояніи недоумѣнія, можетъ быть неосознаваемаго стыда, чувствуя себя безъ результата, безъ вѣнчающаго го ды муки и смерти — завершения. Поэтому у побѣдителей нѣтъ чувства и увѣренности побѣды, у побѣжденных нѣтъ сознанія побѣжденности. Европа хотѣла раздуть свой принципиальный ло-

зунгъ войны — но оказалось, что она разыгралась безъ лозунга, протекла лишь въ распаленности борьбы, черствая, безжалостная, техническая, бѣдная духовнымъ началомъ. Война должна была, тѣмъ не менѣе, поднять свой духовный знакъ — и онъ поднять въ ея непосредственномъ продолженіи, — въ русской революціи.

Войны никто не боялся. Къ ней даже привыкли и приспособились. Революціи сразу испугались. И нельзя было не испугаться, потому что за кровавымъ ужасомъ убійствъ и насилій встаетъ загадочный призракъ новаго разгара, новаго духовнаго содроганія, а это всегда страшно, страшнѣе матеріальныхъ, военныхъ лишеній и стѣсненій.

У страха глаза велики. Не только воображаемые фантомы, — вѣщія видѣнія раскрываются сподобившимся, также въ страхъ и трепетъ. Но страхъ этотъ мгновенно переходитъ въ покой и блаженство откровенія и мудрости. Вся Россія въ настоящее время въ страхъ. Одни, по наущенію чужой, нечеловѣческой воли, творять ужасное и сами страшатся дѣлъ своихъ — (вѣдь не могутъ не страшиться!), — другіе въ страхъ передъ дѣлами близкихъ своихъ. Все схвачено и клубится въ одномъ дымномъ, удушающемъ смятеніи, но за то — все возжено однимъ и тѣмъ же огнемъ, — какъ въ пожаръ.

Пусть ужасный костеръ русской пытки пылаетъ въ Москвѣ, застилая чернымъ дымомъ русскія небеса. — Нужно вѣрить, что въ этомъ кострѣ уже воспламенилось новое человѣческое, русское вдохновеніе. Огонь этотъ вѣтромъ революціи развѣянь по всему міру, потому что каждый русскій, безъ различія, возженъ отъ одного костра, въ каждомъ есть хоть искра этого страшнаго горѣнія. Надо всѣмъ міромъ вознесено жгучее русское пламя. И правы передъ своей родиной одинаково всѣ, горящіе на кострѣ и разметанные по всему міру, изгоняющіе и изгнанные, потому что каждый, русскій безъ различія, своею воспламененностью, своею новой трепетностью жизни, заражаетъ ими народы и земли, готовя Россіи ближайшей эпохи — небывалую славу. И не оскудѣвшими доктринами коллективистическихъ теорій будутъ опредѣлены взаимоотношенія на ново прозрѣвшихъ людей въ грядущую эпоху, которая опредѣлится русскимъ опытомъ, не на плоской основѣ нивеллирующаго коммунизма, они будутъ зиждаться, а на мощномъ устоѣ человѣческаго свода, въ которомъ самоутверждается каждая личность и этимъ утверждаетъ цѣлое, вдохновенно вознося его въ высь на подобіе купола, раскинутого надъ нами.

П. Сувчинскій.